

Глава 3. СОЦИАЛИЗАЦИЯ

По сравнению с животными человек вступает в мир удивительно “незавершенным”. Человеческие качества являют собой социальный продукт, результат социализации – процесса социального взаимодействия, в ходе которого люди приобретают знания, взгляды, принципы, усваивают правила поведения, необходимые для успешной жизни в обществе. Благодаря социализации простой биологический организм трансформируется в личность – истинно социальное существо. Без социализации возрождение культуры от поколения к поколению было бы невозможным. Человеческие существа полностью зависят от социального наследия, созданного бесчисленными поколениями своих предков в течение многих тысячелетий. Благодаря культурному наследию каждое новое поколение способно двигаться вперед, опираясь на достижения предыдущего. Без социализации общество не смогло бы просуществовать более срока жизни одного поколения. У индивидов не было бы тех общих навыков и представлений, которые необходимы им для того, чтобы координировать свои действия и объединять отдельные жизни в единой общественной системе.

§ 3.1. ОСНОВЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Значение социализации

Человеческая социализация предполагает наличие соответствующего генетического материала и адекватного окружения. Психологи научили шимпанзе и горилл множеству разных вещей, в том числе пользоваться символами. Однако методы научения животных совершенно отличаются от тех относительно естественных способов, с помощью которых дети осваивают речь и получают многие другие навыки. В эволюции шимпанзе и горилл не происходит ничего такого, что позволило бы им создавать собственные символы. Следовательно, у них отсутствуют уникальные способности к речи и мышлению, характерные для нормальных человеческих существ. Совершенно ясно, что для осуществления человеческой социализации необходима соответствующая генетическая основа.

Об этом свидетельствуют случаи с детьми, выросшими в условиях крайней изоляции.

В 1799 г. в лесах Аверона на юге Франции охотники нашли мальчика, который, по всей видимости, жил там один. Он передвигался на четвереньках, ел, как животное, и кусал тех, кто к нему приближался. Обоняние и слух были у него чрезвычайно развиты, но очень своеобразны; при малейшем треске ветки или звуке разгрызаемого орешка он подскакивал, тогда как хлопанье дверью не вызывало у него ни малейшей реакции. Он был способен ходить голышом в мороз или вытаскивать пищу из очень горячей воды, не испытывая при этом, по-видимому, никакой боли. Он издавал лишь нечленораздельные звуки, не пытаясь вступать в общение со своим новым окружением, которое он рассматривал скорее как препятствие к удовлетворению своих потребностей.

В начале XIX в. известный психиатр Пинель обследовал мальчика и заявил, что тот страдает неизлечимым слабоумием. Молодой врач Итар, специализировавшийся на лечении глухих детей, не согласился с таким диагнозом. По его мнению, поведение ребенка, которого назвали Виктором, – следствие очень ранней и длительной изоляции от людей. Итар был убежден, что путем надлежащего обучения он даст возможность мальчику вступить в лоно общества и жить нормальной жизнью. Он решил взять это на

себя. Однако после пятилетних усилий Итар был вынужден признать, что ему никогда не удастся достичь поставленной цели. К юношескому возрасту Виктор научился узнавать различные предметы, понимал несколько слов и умел их произносить, мог написать и прочесть некоторые из них, но очень представлял себе их значение; но вскоре мальчик перестал делать успехи. Попытки приучить Виктора к общению потерпели полную неудачу: он так никогда и не смог научиться играть или вступать в какие-либо другие отношения с людьми, а его поведение в сексуальном плане было еще менее адекватным. Вплоть до смерти в возрасте 40 лет никаких заметных улучшений в его поведении не произошло.

История Виктора порождает серьезные вопросы относительно того, что составляет основу человеческой природы. Рождается ли человек с теми же признаками, которые отличают его от прочих живых существ, или же приобретает их в результате общения с себе подобными? Виктор “чувствовал” иначе; он “слышал” и “видел” не так, как нормальное человеческое существо. Его эмоции и его мотивации тоже были иными. Сделала ли его таким среда, в которой он жил, или у него изначально отсутствовал умственный багаж, необходимый для того, чтобы вести себя, как подобает человеку? Какова же роль врожденного и приобретенного в развитии индивидуума?

При рассмотрении истории Виктора встает еще один вопрос: почему он не смог полностью освоиться в человеческом обществе? Ведь впоследствии в разных частях земного шара находили и других таких детей. Большую часть этих “детей-волков” или “детей-газелей”, обнаруженных в Вест-Индии, а также пятилетнего Тарзана, перелетавшего с ветки на ветку в лесах Сальвадора, удалось перевоспитать. Создается впечатление, что чем они были моложе в тот момент, когда их находили и начинали с ними работать, тем легче удавалось вернуть их в общество. По-видимому, в процессе развития имеются некие оптимальные периоды для обучения определенным вещам, которые позднее не усваиваются, как в случае Виктора, начавшего обучаться лишь в 12 лет. (См.: *Годфруа Ж.* Что такое психология: В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 19-21.)

Приведем пример из не столь далекого прошлого. Социолог Кингсли Дейвис (1949) сообщает о двух случаях, относящихся к 1940-м гг. Анна и Изабелла были незаконнорожденными детьми, которых матери постоянно прятали от глаз людей в течение многих лет, не выпуская девочек из закрытых комнат. Дети получали уход, достаточный для того, чтобы не умереть. Когда местные власти обнаружили девочек, им было примерно по 6 лет. Они крайне отставали в развитии и демонстрировали всего несколько человеческих навыков или реакций. Анна была помещена в приют, а позднее в школу для умственно отсталых детей. Она сумела научиться разговаривать отдельными фразами, ходить, мыть руки, чистить зубы, выполнять простые указания, играть с куклой и участвовать в других видах человеческой деятельности. Неизвестно, насколько полно могли бы развиваться способности этой девочки, потому что она умерла в возрасте 10 лет. Что касается Изабеллы, ее воспитание взяли на себя члены факультета университета штата Огайо. Через неделю новой жизни она уже начала делать попытки говорить. Изабелла сделала большие успехи в обучении и развитии, быстро пройдя все этапы, типичные для американских детей. В возрасте 14 лет она закончила шестой класс и, по отзывам преподавателей, была умной, жизнерадостной и хорошо ориентирующейся в жизни девочкой. Сообщалось, что Изабелла закончила среднюю школу, вышла замуж, у нее хорошая семья. Случаи с Анной и Изабеллой свидетельствуют о том, что большая часть человеческих черт, которые, как мы полагаем, присущи нам с рождения, не смогут развиваться, если у ребенка не будет возможности общаться с другими людьми.

Сьюзан Кертисс (1977) сообщила о случае Джинни. Девочка провела чрезвычайно тяжелое и унижительное детство и была обнаружена социальными службами в возрасте 13 лет. С 20 месяцев девочку держали запертой в комнате, привязывая ее к детскому стульчику. Папаша часто бил Джинни, особенно когда она начинала издавать звуки. В таких условиях Джинни так и не научилась говорить. В 13 лет на девочку обратили внимание местные власти и Джинни была помещена в больницу. Ребенок был уродливым, рахитичным, с замедленными реакциями. Проверка навыков и умственных способностей показала, что уровень развития девочки соответствует годовалому ребенку. Специалисты из расположенного поблизости Калифорнийского университета разработали программу по реабилитации и обучению девочки.

Хотя Джинни достигла некоторых успехов в понимании речи и стала разговаривать сама, ее речь оставалась замедленной и чем-то напоминала рубленый слог телеграммы. Но дело было не только в этом. Ее поведение оставалось “неадекватным”. При встрече с понравившимся ей незнакомым человеком Джинни игнорировала все социальные нормы поведения. Она буквально вцеплялась в человека и отказывалась отпустить его. Она подходила к незнакомым людям, останавливалась перед ними и с любопытством заглядывала им прямо в лицо. Кроме того, она без конца мастурбировала, в любое время и в любом месте. В 1978 г. мать Джинни восстановили в родительских правах. Она забрала девочку и прервала ее лечение и обучение. Одна из гипотез, выдвинутых психологами в качестве объяснения языковых затруднений Джинни, состояла в том, что в развитии речевых способностей человека существуют критические периоды и пробелы, имеющие место в такие периоды, невозможно впоследствии с легкостью ликвидировать.

Случаи Анны, Изабеллы и Джинни подтверждают тот факт, что наш биологический аппарат не способен создать нормальную человеческую личность при отсутствии социального взаимодействия. Следовательно, человеческие качества являются продуктом как наследственности, так и факторов окружения.

Природа и воспитание

Человеческий организм не является пассивным объектом, запрограммированным внутренними генетическими силами или сформированным под влиянием внешнего окружения. Наследственные и окружающие факторы взаимопереплетаются и взаимопределяют друг друга.

Приведем следующий пример.

Каждый год в феврале, с наступлением весны многие дети на средиземноморском острове Сардиния неожиданно впадают в апатию. В течение последующих трех месяцев их школьные занятия идут из рук вон плохо; они засыпают за партами и жалуются на головокружение и тошноту. В России подобное поведение объяснили бы весенней лихорадкой, скукой или коллективными попытками сорвать занятия. Но учителя на Сардинии хорошо знают, что дети и взрослые могут умереть от физического недуга, особенно в случае, если при мочеиспускании у них выделяются большие количества крови. По официальным оценкам, 35% жителей Сардинии страдают этим заболеванием.

В 1959 г. ученые обнаружили, что это наследственное состояние, связанное с недостаточным содержанием всего лишь одного фермента – глюкоза-6-фосфат дегидрогеназа (G-6-PD). Однако симптомы болезни проявляются у жителей Сардинии только весной, что позволяет предположить, что дефицит фермента G-6-PD не является

единственным фактором, провоцирующим приступы болезни. Исследователи выдвинули предположение, что окружающая среда усиливает негативные эффекты дефицита фермента. Выяснилось, что виной всему один из сортов бобов – итальянские бобы “фава” – и восприимчивые сардинцы могут избавиться от приступов ужасной болезни, если перестанут употреблять в пищу это растение и продукты его переработки.

В последние годы исследования типа тех, что были проведены на Сардинии, подтвердили существование сложных взаимосвязей между наследственностью и окружающей средой. В свете этого старые дебаты о том, что важнее – природа или воспитание, не прекращавшиеся в течение веков, потеряли смысл. Еще древнегреческие философы спорили, являются ли идеи изначально присущими представителям человеческого рода или представляют собой результат накопленного опыта. Сначала ученые задавались вопросом, какой фактор – наследственность или окружение – играет более важную роль в формировании конкретной характеристики, будь то душевное заболевание или умственные способности индивида. Позднее они пытались определить, в какой степени различия, обнаруживаемые между людьми, могут быть приписаны различиям в наследственности и в какой степени – различиям в окружении. Совсем недавно многие ученые сформулировали этот вопрос по-другому: каким образом специфические наследственные и окружающие факторы взаимодействуют между собой так, что в результате формируются конкретные качества или модели поведения?

Самая первая формулировка вопроса скрывала в себе невысказанные противоречия. Если довести дихотомию наследственность – окружение до ее логического завершения, получается, что биологически врожденное поведение определяется как поведение, проявляющееся в отсутствие окружающей среды, а поведение, приобретенное в результате воспитания и обучения, – как не требующее существования биологического организма. Вопрос “в какой степени?” дает основания предполагать, что природа и воспитание соотносятся таким образом, что вклад одного из факторов приплюсовывается к вкладу другого. Однако в реальной жизни оба фактора оказывают взаимное воздействие друг на друга, что и приводит к конечному результату, как в случае с заболеванием жителей Сардинии.

По мере развития детей их поведение становится все менее и менее зависимым от созревания, т.е. изменений в организме, проистекающих более или менее автоматически в заданной необратимой последовательности за счет физических и химических процессов. На первый план все быстрее начинают выходить воспитание и обучение. Важный фактор состоит в том, что в процессе обучения человеческий организм претерпевает изменения путем реагирования: по мере взросления ребенка его ум не выявляется, а формируется.

Поэтому человеческие существа не являются замкнутыми в неизменном физическом теле или социальной системе и в мире, где постоянно происходят сложные взаимодействия, дающие толчок развитию, процесс и история приобретают первостепенное значение. Индивиды становятся активными агентами, формирующими как самих себя, так и окружающий мир. Своими действиями они изменяют мир, в котором живут, и в свою очередь формируются и изменяются в результате собственной деятельности. Такое динамическое взаимодействие между индивидом и его окружением составляет основу человеческого ума, знаний и культуры.

Социальная коммуникация

Так как человеческим существам приходится приспосабливаться к своей окружающей среде, им необходима способность к общению друг с другом. И действительно, любое социальное взаимодействие предполагает коммуникацию. *Коммуникация – это процесс, с помощью которого люди передают друг другу информацию, идеи, мнения и душевные состояния.* Она включает в себя все те вербальные и невербальные процессы, с помощью которых человек посылает и принимает сообщения. Не имея способности общаться, человек оказался бы заперт в собственном частном мире. Коммуникация позволяет нам установить “общность” друг с другом, объединяя “отправителя” и “получателя” сообщения. Это неотъемлемый механизм, с помощью которого люди добиваются социальных целей. Коммуникация помогает людям координировать сложную групповую деятельность и является выражением институциональной жизни.

Вербальная коммуникация. Язык позволил человеческим существам, единственным из всех животных, переступить границы биологической эволюции. Если биологическая эволюция осуществляется только посредством генов, то культурная происходит путем вербальной передачи информации.

В течение многих лет представители общественных наук утверждали, что младенцы появляются на свет без врожденных способностей к использованию речи. Но затем лингвисты начали проследить черты сходства в различных языках. По-видимому, во всех языках мира есть существительные и глаголы, во всех языках люди могут задавать вопросы, отдавать команды и отрицать утверждения. Более того, дети осваивают свой язык практически без труда, хотя им приходится выучивать целый свод чрезвычайно сложных и абстрактных правил, с помощью которых и происходит смысловое преобразование звуковых цепочек. Даже у глухих детей наблюдается сильное тяготение к общению с помощью языковых средств. Люди также способны понимать и воспроизводить бесчисленное множество предложений, даже таких, какие они до того никогда не слышали и не произносили.

В 1957 г. прославленный лингвист Ноэм Хомский суммировал все эти наблюдения и выдвинул предположение о том, что человеческие существа обладают врожденным речевым механизмом, который Хомский определил как *приемы усвоения языка*. По мнению Хомского, базовая структура языка имеет биологические каналы; они образуют нечто вроде врожденной “заполняющей” системы, отвечающей за упорядочивание слов и фраз, из которых состоит человеческий язык. Ребенку остается только усвоить особенности языка, принятого в его обществе.

Гипотеза Хомского вызвала как интерес, так и возражения. Социологи указывали, что биологическая предрасположенность людей к освоению языка должна корениться в человеческом мозге, но это еще не означает, что факторы окружения человека не играют никакой роли в процессе освоения речи. К примеру, не похоже, что дети могут выучиться языку, просто слушая, как кто-то говорит на этом языке. Следующие два примера иллюстрируют это утверждение.

Мальчика с нормальным слухом, но родившегося от глухих родителей, которые общались с помощью американского языка жестов, ежедневно оставляли играть рядом с включенным телевизором в надежде на то, что таким образом он научится говорить по-английски. У ребенка была астма, поэтому он был вынужден постоянно сидеть дома, где его общение ограничивалось людьми, объяснявшимися с ним и между собой на языке жестов. К трем годам ребенок хорошо освоил язык жестов, но так и не научился ни понимать английский, ни говорить на нем (Московичи, 1978).

Еще один пример. Ребенок, родившийся с нефункционирующей иммунной системой, в течение первых четырех лет жизни содержался в стерильных условиях специального изолятора. Когда мальчику было четыре года, вживленный ему трансплантат костного мозга обеспечил ему нормальную иммунную систему и дал возможность вернуться домой. В годы вынужденной изоляции ребенок общался с внешним миром посредством жестов. Сменив больничную обстановку на домашнюю среду, мальчик испытал значительные трудности с речевым общением и редко начинал разговор первым. Хотя в период госпитализации в мальчике пытались поощрять желание говорить, его изолированная жизнь не располагала его к использованию языка (Холланд, 1983).

Описанные случаи позволяют предположить: для того чтобы научиться языку, дети должны иметь возможность общаться с другими людьми на этом языке. В общем, приобретение языковых навыков невозможно понять, если изучать генетические факторы и процессы обучения в отрыве друг от друга. Биохимические процессы, факторы созревания, стратегии обучения и социальная среда находятся в постоянном сложном и динамическом взаимодействии. Ни один аспект сам по себе не в состоянии сделать так, что человек начнет говорить на своем родном языке. Хотя младенцы обладают генетически заложенным в них исходным планом, направляющим их к языку и речи, эта способность может быть приобретена только в социальном контексте.

Невербальная коммуникация. В жизни мы получаем огромное количество невербальных сообщений и “вчитываемся” в них, не всегда даже осознавая это. На базе своих экспериментов психолог Альберт Мерабян сделал вывод о том, что общее воздействие от сообщения на 7% состоит из речевых сигналов, на 38% – из голосовых и на 55% из мимических. Другой специалист, Реймонд Л. Бердуистелл (Birdwhistell), предположил, что “не более 30-35% социального значения разговора или взаимодействия передается с помощью слов”. Невербальную коммуникацию очень часто можно наблюдать на вечеринке или в баре, где устраиваются встречи для одиноких людей.

Например, если, блуждая взглядом по комнате, мужчина и женщина заметят друг друга и проявят взаимный интерес, они сигнализируют друг другу об этом глазами. К примеру, мужчина задержит взгляд на женщине, потом отведет глаза, а после этого кинет на нее еще несколько быстрых взглядов. Если женщина проявит ответный интерес, эти двое смогут как бы невзначай подойти достаточно близко друг к другу, чтобы завязать разговор. Женщина тоже может послать “флиртующий” сигнал – это внезапная улыбка или легкий наклон головы вниз или вбок.

Если вы устанавливаете и удерживаете зрительный контакт с незнакомым человеком на эскалаторе метрополитена, это рассматривается как знак угрозы. В русской культуре подобным образом смотреть человеку прямо в лицо принято только при разговоре. Вы можете установить зрительный контакт с людьми, находящимися на достаточно большом расстоянии от вас, но при приближении к ним вы отводите взгляд в сторону.

Существует множество невербальных коммуникативных систем. Представим некоторые из них.

Язык телодвижений. Телодвижения и жесты выполняют роль сигналов. Хорошим примером может служить “прихорашивающееся поведение”, сопровождающее ухаживание. Женщины часто взбивают волосы, проверяют макияж, поправляют одежду или откидывают волосы с лица. Мужчины могут приглаживать волосы, поправлять галстук, одергивать одежду или подтягивать носки. Все эти сигналы говорят: “Вы мне нравитесь. Обратите на меня внимание. Я привлекательный человек”.

“Параязык”. Невербальные звуковые сигналы, оформляющие речь, – тональность, громкость голоса, темп речи, паузы и вздохи – являются богатым источником информации. “Пара-язык” имеет отношение не к тому, что именно сказано, а к тому, как это сказано. Наименее очевидным типом “параязыка” является молчание. С помощью молчания люди способны передавать такие чувства, как презрение, враждебность, вызов и строгость, но также уважение и доброе отношение.

Размещение. То, как мы используем социальное и личное пространство, тоже является своего рода сообщением. Например, студенты, рассаживающиеся в первых рядах аудитории, как правило, считаются самыми заинтересованными в занятиях; сидящие в задних рядах – более склонными к всяческим проделкам и нарушению порядка; студенты, которые садятся близко к проходу, воспринимаются преподавателем как желающие потихоньку уйти до конца лекции.

Прикосновения. Путем физического контакта, например прикосновений, поглаживаний, похлопываний и рукопожатий, мы передаем свои чувства к другим людям. Однако прикосновение может быть нарушением прав личности или стать символом власти, когда люди хотят подчеркнуть различия в статусе. Например, персону высокого ранга имеет право покровительственно похлопать подчиненного по спине или плечу, но подчиненный не может позволить себе ничего подобного.

Артефакты. Нам свойственно использовать предметы, в том числе некоторые виды одежды, косметику, парики, очки, украшения, духи и драгоценности, чтобы дать окружающим представление о своем поле, ранге, статусе и о своих вкусах. Например, в баре для одиноких людей одежда и прически могут рассказать потенциальным партнерам о том, каковы мы, и подать сигнал “обрати на меня внимание” или “не подходи ко мне”.

Некоторые аспекты невербальной коммуникации, например многие жесты, особенно подвержены влиянию культуры. Американский жест, означающий “окей” и состоящий из согнутых в кружок большого и указательного пальцев, в разных культурах имеет совершенно различные значения: если в Америке – это дружеский жест, то во Франции и Бельгии он имеет оскорбительную коннотацию: “Ты просто ноль!”, в южной части Италии он означает “ты тупица”, а в Греции и Турции является оскорблением или вульгарным сексуальным приглашением.

Однако некоторые выражения лица имеют универсальное значение. Например, в ситуациях угрозы и запугивания люди часто используют взгляды, очень напоминающие пристальный угрожающий взгляд, типичный для поведения обезьян. С целью исследовать этот аспект Пол Экман со своими сотрудниками отобрал серию фотографий людей, на лицах которых были написаны такие чувства, как удивление, отвращение, страх, гнев, грусть и счастье. Эти фотографии они показывали людям, принадлежащим к пяти различным культурам, и спрашивали у них, какие чувства испытывают люди, запечатленные на каждой из фотографий. Подавляющее большинство испытуемых идентифицировали эмоции совершенно одинаково. Даже форе – коренные жители отдаленных районов Новой Гвинеи, у которых почти не бывает контактов с иностранцами и которые практически не сталкиваются со средствами массовой информации, определили отраженные на фотографиях эмоции так же, как и представители прочих культур.

Таким образом, способы выражения и интерпретации определенных чувств могут быть универсальными, что предполагает наличие сильного биологического компонента. Но в каждой культуре существуют собственные “правила выражения чувств”, определяющие,

каким образом и когда подобает выразить те или иные эмоции и к каким последствиям это приведет.

Определение ситуации

Человеческие существа живут как в символическом, так и в физическом окружении. Люди не реагируют непосредственно на те стимулы, которые они получают от своих органов чувств, но организуют свои действия на базе этих значений, которые они предварительно приписывают этим стимулам. Например, “ручка” – это не просто ряд зрительных, слуховых и осязательных стимулов. Мы придаем этому слову значение: “предмет, с помощью которого можно писать”. По качеству и внешнему виду ручки можно сделать вывод об общественном положении ее владельца. Мы также можем приписать своей ручке какие-то волшебные свойства, например, талисмана, с которым не страшны даже самые трудные экзамены.

Из сказанного следует: в повседневной жизни нам свойственно интерпретировать окружающий мир. Символическое окружение является посредником физического окружения, так что мы не просто испытываем воздействие символов, а скорее даем определение ситуации. *Определение ситуации – это интерпретация или значение, придаваемое нами непосредственно переживаемым обстоятельствам.* Это “реальность” в восприятии людей, пересечение времени и пространства, в рамках которых мы живем и действуем. Следовательно, факты не могут иметь самостоятельного существования в отрыве от тех людей, которые эти факты наблюдают и придают им конкретные значения. “Реальные” факты – это способы, с помощью которых человек определяет различные ситуации.

Люди различаются также по своему восприятию разных ситуаций и по реакции на них. Например, такой предмет, как ружье, для солдата означает одно, для вооруженного грабителя – другое, для жертвы, которую держат на прицеле, – третье, для охотника – четвертое, а для сторонника контроля за ношением оружия – пятое. О человеке, подстригающем газон, можно подумать, что он или приводит в порядок свой двор, или прячется от жены, или занимается физическими упражнениями, или поддерживает местные культурные ценности, или действует на нервы соседу, пытающемуся заснуть, или зарабатывает стрижкой газонов на жизнь.

Определения ситуаций могут различаться, и общего понимания можно достигнуть лишь тогда, когда человек оказывается в состоянии сочетать свои действия с действиями других людей. Что бы мы ни делали – играли в футбол, болтали с приятелем по телефону, грабили магазин, занимались любовью, читали лекцию, пересекали шумный перекресток или покупали книгу, мы должны придавать ситуации одинаковое с другими значение, если стремимся достичь осуществления совместного с другими людьми действия. При этом определение ситуации, сделанное в одном случае, может переноситься на последующие случаи, в связи с чем культуру можно рассматривать как систему согласованных мнений – совместных определений ситуаций, приобретенных индивидами как членами общества. *Социализация – это процесс усвоения индивидом на протяжении его жизни социальных норм и культурных ценностей того общества, которому он принадлежит.*

Социологи отмечают, что наши определения сказываются на той реальности, которую мы творим сами для себя. Уильям И. Томас взял это мнение за основу и сформулировал известную теорему: *“Если люди определяют ситуации как реальные, эти ситуации будут*

реальными в своих последствиях”. Теорема Томаса обращает наше внимание на тот факт, что люди реагируют не только на объективные характеристики ситуации, но и на то, какое значение они лично придают этой ситуации. Присвоенное ситуации значение служит и для определения того, что люди сделали или не сделали, и для определения последствий поведения людей в подобной ситуации.

Например, многие поколения американцев считали негров расово второсортными людьми. Поскольку государственное управление находилось в руках белых, они ограничили права и общественные возможности чернокожего населения. Действуя в соответствии со своими расовыми определениями, белые американцы построили свои социальные структуры – институты, в которых на долю чернокожих приходилось гораздо меньше преимуществ, чем на долю жителей с белой кожей. Чернокожее население менее образовано, занимается более грязной и невыгодной работой, живет в менее благоустроенных кварталах, у черных американцев не такое хорошее здоровье, как у белых. Вышло так, что белое население США создало социальный порядок, для которого характерна институциональная дискриминация.

§ 3.2. ЛИЧНОСТЬ

Характеристики личности

В повседневном и научном языке очень часто встречаются термины: “человек”, “индивид”, “индивидуальность”, “личность”. Обозначают ли они один и тот же феномен или между ними есть какие-то различия? Чаще всего эти слова употребляются как синонимы, но если подходить к их определению строго, можно обнаружить существенные смысловые оттенки. Человек – понятие самое общее, родовое. Индивид понимается как отдельный, конкретный человек, как единичный представитель человеческого рода и его “первокирпичик” (от лат. *individ* – неделимый, конечный). Индивидуальность можно определить как совокупность черт, отличающих одного индивида от другого, причем различия проводятся на самых разных уровнях – биохимическом, нейрофизиологическом, психологическом, социальном и др. Понятие личность вводится для выделения, подчеркивания неприродной (“надприродной”, социальной) сущности человека и индивида, т.е. акцентируется социальное начало.

В социологии личность определяется, во-первых, как системное качество индивида, обновленное его включенностью в общественные отношения и проявляющееся в совместной деятельности и общении; во-вторых, как субъект социальных отношений и сознательной деятельности.

В момент рождения ребенок еще не личность. Он всего лишь индивид. Индивидом называется человек как представитель вида, продукт филогенетического и онтогенетического развития. Чтобы стать личностью, человек должен пройти определенный путь развития. Непременным условием этого развития являются: биологические, генетически заданные предпосылки; наличие социальной среды, мира человеческой культуры, с которым ребенок взаимодействует.

Каждая личность обладает совокупностью внутренних качеств, свойств, которые составляют ее структуру.

Подойти к задаче характеристики личности можно двояким образом: с точки зрения ее структуры; с точки зрения ее взаимодействия с окружающими, общения с другими людьми.

В табл. 3.1 особенности личности сгруппированы в иерархически расположенные подструктуры по степени влияния на их формирование биологических (генетических) и социальных (приобретенных в культуре) качеств.

Многомерная, сложноорганизованная природа человека, широта и многообразие его социальных связей и отношений определяют множество теоретических подходов и позиций в понимании этого феномена, множество различных моделей, образов человека в современной социологии.

Таблица 3.1. Иерархическая структура личности (по К.К. Платонову):

Краткое название подструктуры	К данной структуре относятся	Соотношение биологического и социального
Подструктура направленности	Убеждения, мировоззрения, личностные смыслы, интересы	Социальный уровень (биологического почти нет)
Подструктура опыта	Умения, знания, навыки, привычки	Социально-биологический уровень (значительно больше социального, чем биологического)
Подструктура форм отражения	Особенности познавательных процессов (мышления, памяти, восприятия, ощущения, внимания); особенности эмоциональных процессов (эмоции, чувства)	Биосоциальный уровень (биологического больше, чем социального)
Подструктура биологических, конституциональных свойств	Скорость протекания нервных процессов, баланс процессов возбуждения и торможения и т.п.; половые, возрастные свойства	Биологический уровень (социальное практически отсутствует)

Самость

Мы не только составляем для себя определения ситуации; отвечая на вопрос “Кто я такой?”, мы также даем самоопределения. Ответы на этот вопрос и составляют то, что социологи называют собственным Я или самостью, т.е. набор понятий, с помощью которых мы определяем, какие мы есть. Формирование собственного Я представляет собой центральную часть процесса социализации. Самость – не биологическая данность,

она развивается в процессе взаимодействия человека с другими людьми. Социолог Дж. Мильтон Йингер пишет:

“Самость формируется на базе действий других людей, которые становятся частью индивида в результате отождествления им себя с этими другими и его самооценки с точки зрения этих других. Оглядываясь назад, вы можете спросить себя: “Кто я такой?” Но на деле ответ известен еще до того, как вопрос был задан. Ответ этот составил из всех определений наших ролей, принципов и целей, которые начинают формироваться у нас под влиянием окружающих с момента нашего рождения. “Ты – мальчик; ты – мой сын; ты – француз”; “Ты – хороший мальчик и составляешь истинную часть этой группы” (с соответствующими вознаграждениями, подтверждающими слова); или “Ты – дурной мальчик” (эти слова значимые персоны доводят до нашего сведения с помощью соответствующих, по их мнению, санкций)”.

Самость – это наши идеи по поводу собственных качеств, способностей и поведения. В повседневной жизни мы ощущаем присутствие самости в таких фразах, как: “горжусь собой”, “разговариваю сам с собой”, “потерял контроль над собой”, “стыдно за себя”, “испытываю себя”, “ненавижу себя” и “люблю себя”. Эти понятия представляют собой сердцевину человеческой сущности, осознание того, что каждый из нас есть уникальное творение, отличающееся от других и в то же время похожее на них. Образ каждого человека как уникального, автономного, самодостаточного существа дает ощущение психической целостности. У индивидов, страдающих какой-либо формой сильного душевного заболевания, особенно шизофрении, отсутствует четкое представление о самих себе и о границах собственной личности, т.е. о том, где начинается и где заканчивается их личность. Поэтому многие из них теряются в потоке обрушивающихся на них стимулов.

Самость участвует в развитии *эгоцентрического сдвига, при котором человеку свойственно ставить самого себя в центр всех событий.* По причине такого эгоцентрического сдвига мы создаем гипертрофированные представления о самих себе как о жертвах или целях действия или события, которое в действительности направлено совсем не на нас.

Например, когда профессор, перед тем как возратить студентам проверенные экзаменационные работы, выбирает в качестве примера несколько особенно хороших или плохих работ, мы обычно склонны переоценивать вероятность (того, что одна из таких работ принадлежит нам. Подобным образом мы склонны переоценивать вероятность того, что именно нас, а не других членов нашей группы, выберут для участия в демонстрации опытов. А когда мы участвуем в лотерее, мы ощущаем, что наш билет имеет больше шансов на выигрыш, чем на самом деле.

Эгоцентрический сдвиг свойствен каждому человеку, просеивающему жизненный опыт через фильтр собственной личности. Такой смещенный взгляд на реальность формирует наше восприятие событий, а позже воздействует на наши воспоминания об этих событиях. Человеку типично думать о собственном Я в терминах статичности как о “цельной системе” или “вещи”. Но согласно концепциям сторонников теории символического интеракционизма, собственное Я обладает также динамическими характеристиками. Представители этой теории указывают, что мы можем быть объектами собственных поступков. Мысленно мы отходим в сторону и с этого наблюдательного пункта начинаем следить за собственными действиями. С этой точки зрения самость представляет собой процесс, с помощью которого мы разрабатываем свои действия в соответствии с поступками других людей. Социологи Ч.Х. Кули, Дж.Г. Мид и Э. Гоффман постарались облегчить понимание этих проблем, предложив свои теории.

Теория “зеркального Я”

На рубеже XX в. в научных и общественных кругах превалировало мнение о том, что человеческая природа определяется биологическими факторами. Чарльз Хортон Кули (1864-1929) выступил с резкой критикой этого утверждения. Он полагал, что люди преобразуют себя и свой мир путем участия в процессах социальных интеракций, и утверждал, что наше сознание активизируется в социальном контексте. Это утверждение лучше всего иллюстрирует теория “зеркального Я” – процесса, в ходе которого мы мысленно становимся на точку зрения других людей и видим себя их глазами или так, как по нашему мнению другие люди видят нас. Базовой посылкой любого типа социального поведения является наша способность прогнозировать точку зрения других людей.

Самосознание. Кули предполагал, что “зеркальное Я” представляет собой постоянный ментальный процесс, для которого характерны три фазы. Во-первых, мы представляем себе, как мы выйдем в глазах других людей. Например, мы можем решить, что поправляемся и становимся “жирными”. Во-вторых, мы воображаем, как другие люди будут оценивать нашу внешность. Мы прекрасно знаем, что обычно окружающие рассматривают тучных людей как непривлекательных. В-третьих, мы вырабатываем некий тип внутреннего самоощущения, например, чувство гордости или стыда, на базе которого создаем для себя представления о том, что думают о нас прочие люди. В нашем случае мы скорее всего будем испытывать беспокойство или неловкость, связанные со своей воображаемой тучностью.

Процесс зеркального отражения собственного Я является субъективным процессом и не обязательно соответствует объективной реальности. К примеру, жертвы невроза, вызывающего потерю аппетита, намеренно морят себя голодом, не желая соглашаться с тем, что в действительности они не толстые, а худые или страдают болезненными состояниями, в убеждении, что они чересчур полные. Понятие “зеркального Я” не подразумевает, что наше представление о самих себе обязательно радикально изменяется всякий раз, когда мы сталкиваемся с новым человеком или новой ситуацией. В связи с этим полезно провести грань между собственными воображаемыми образами, так называемыми само-имиджами, и представлением о себе. “Само-имидж” – это наш внутренний собственный образ, обычно относительно кратковременный; он изменяется по мере того, как мы переходим из одной ситуации в другую. Представление о себе – это более стабильный взгляд на самого себя, вневременное ощущение самого себя – “истинное Я”, или “Я такой, какой есть на самом деле”. “Само-имиджи” слой за слоем обычно накапливаются с течением времени и оказывают влияние на относительно устойчивое представление о самом себе. В целом можно сказать, что последовательность “само-имиджей” скорее корректирует, чем вытесняет наше более ясно выкристаллизовавшееся представление о самом себе, или самоидентичность.

Застенчивость. Поскольку людям свойственно самосознание, они часто испытывают чувство застенчивости. *Застенчивость* – это общая тенденция испытывать напряжение, скованность и неловкость в общественных ситуациях. Данные опросов свидетельствуют о том, что 40% взрослых американцев считают себя застенчивыми. В Японии очень высокий процент застенчивых людей – около 60%. Видимо, одна из причин этого заключается в том, что японцы находятся под сильным воздействием исторически сложившейся в их стране “культуры стыдливости”, согласно которой человек обязан сохранять сдержанность, дабы не подводить своих родных и близких.

Застенчивость ложится на человека тяжким грузом, ставит препоны на пути достижения человеком счастья и раскрытия своего потенциала. Застенчивые люди часто оказываются неудачниками – в школе, в бизнесе, в любви, в любой жизненной сфере, где люди удовлетворяют свои потребности в ходе взаимодействия с другими. Застенчивые люди постоянно находятся под самоконтролем, кажутся слишком поглощенными проблемой собственной адекватности и адекватности своего поведения. Вследствие этого естественность их поведения страдает – они не могут “расслабиться” и не дают сами себе окунуться в водоворот социальных взаимодействий.

Подавленность – это внутренняя модель поведения, не дающая человеку достичь собственного уровня навыков и способностей под воздействием социального давления. Подобно застенчивости, подавленность возникает, когда процесс индивидуации идет наперекос. К примеру, мы часто осознаем ситуации, в которых от нас ожидают успешной демонстрации умений. Так, на спортивных соревнованиях мы можем приложить максимум стараний, чтобы обеспечить правильность выполнения упражнений – координацию и точность мышечных движений тела – путем контроля за выполнением программы. Однако подобный самоконтроль нарушает автоматизм или отточенность исполнения, вследствие чего неизбежны ошибки.

Например, известно, что в финальной и решающей игре чемпионата, в чемпионате на кубок мира игроки – хозяева поля имеют тенденцию ступшеываться и, следовательно, оказываются в невыгодном положении. Местные болельщики обычно реагируют на промахи и успехи своей команды аплодисментами, криками и свистом, в то время как голы, забитые командой гостей, сопровождаются угрюмым молчанием или криками разочарования. В обычных играх сезона такое поведение болельщиков может служить источником вдохновения для местной команды, но на чемпионате страх местных игроков проиграть его перед лицом поддерживающей их аудитории оказывает на игроков дополнительный “нажим” и усиливает самоконтроль. В результате они становятся “зажатыми” и склонными к совершению не типичных для них ошибок.

Понятие “обобщенного другого”

Джордж Герберт Мид (1863-1931) продолжил разработку идей Кули и сделал множество собственных открытий. Мид утверждал, что мы обретаем ощущение индивидуальности, когда подходим к себе в целом с той же меркой, как и к другим людям. При этом мы “принимаем на себя роль других в отношении самих себя”. Внутренне мы принимаем двойную точку зрения: одновременно являемся субъектом – наблюдателем и объектом – наблюдаемым. В собственном воображении мы принимаем позицию другого человека и с этой позиции изучаем самих себя.

Мид обозначил субъективный аспект процесса формирования собственной индивидуальности словом “я” (I), а объективный – словом “меня” (me).

Задумайтесь, что происходит, когда вы размышляете, задать или не задать вопрос профессору, читающему у вас на курсе лекции. Вы думаете: “Если я задам вопрос, он сочтет меня тупицей. Лучше уж промолчать”, т.е. вы воображаете отношение профессора к студентам. При этом вы как бы берете на себя роль профессора и смотрите на самого себя как на объект, или “меня”. Именно вы, действуя в качестве субъекта, или “я”, решаете, что задавать вопрос не стоит.

Использование личных местоимений в утверждении иллюстрирует взаимоотношение аспектов объект-субъект. По Миду, ключ к развитию самосознания детей лежит в освоении ими языка. С помощью языка мы стараемся настроиться на те действия, каких хотели бы добиться от других. Мысленно мы спрашиваем себя: “Если я хочу, чтобы этот человек отреагировал именно так, что для этого нужно? Что требуется от меня, чтобы воздействовать на него таким образом?” Мид приводит следующий пример: учительница просит ученика принести стул в аудиторию. Вероятно, он выполнит просьбу, а если не выполнит, то учительнице скорее всего придется самой принести стул. Прежде чем попросить ученика принести стул, она должна проиграть всю сценку в собственном уме.

Язык позволяет людям вести внутренний диалог. Мы говорим сами с собой и отвечаем сами себе в основном точно так же, как ведем беседу с другими. Таким образом мы судим о том, как будут отвечать нам другие люди.

Социолог Ральф Тернер уточнил и расширил идеи Мида. Тернер указывает, что, говоря или делая что-либо, мы, как правило, приобретаем внутреннее состояние готовности к некоторым типам реакций, могущих последовать в наш адрес от других людей. Если мы машем рукой профессору, задаем вопрос милиционеру или обнимаем товарища, мы ожидаем, что другой человек ответит на наше действие действием, соответствующим нашему. Получая ответ или реакцию другого человека, мы вступаем в стадию проверки и пересмотра наших ожиданий, мысленно оценивая его поведение. При этом мы приписываем такому поведению определенное значение и в соответствии с этим планируем свои последующие действия. Например, если другой человек отреагировал так, как мы не ожидали, мы можем прервать общение, можем попытаться “вернуться на исходные позиции” и перепроверить свои намерения, можем не принять во внимание реакцию другого человека или отказаться от своих первоначальных замыслов, можем последовать по пути, предложенному нашим собеседником. Поэтому представители символического интеракционизма утверждают, что процесс самокоммуникации имеет первоочередное значение для социального взаимодействия.

Согласно концепции Мида, в процессе выработки полного самосознания дети, как правило, проходят три стадии: стадию “ролевой игры”, “коллективной игры” и “обобщенного другого”. На первой стадии ребенок в игре берет на себя роль только одного человека и “примеряет” на себя модель его поведения. *Модель, которая обычно представляет собой важную личность в жизни ребенка, например одного из родителей, называется “значимый другой”*. К примеру, двухлетний ребенок может осмотреть штанишки куклы, сделать вид, что они мокрые, пожурить куклу и отнести ее в ванную. Таким образом, в этой ситуации ребенок принимает на себя родительскую точку зрения и ведет себя, как его отец или мать.

На второй стадии коллективных игр ребенок уже принимает в расчет одновременно множество ролей. Это напоминает случай организованной спортивной игры, в которой каждый индивид должен учитывать роли большого числа людей.

Например, если в бейсболе игрок с битой отбивает мяч на третью базу, игрок первой базы должен хорошо представлять себе действия питчера, подающего на третьей базе, и “гасителя” мячей. Каждый игрок должен представлять свою роль во взаимодействии со всеми остальными игроками. То же происходит и в жизни. Детям предстоит познакомиться с ожиданиями, связанными с множеством ролей, если они хотят научиться успешно играть собственные роли.

На третьей стадии дети осознают, что они принадлежат к более крупному сообществу людей и это сообщество придерживается вполне определенных взглядов на то, что является соответствующим поведением, а что – несоответствующим. *Социальная группа, дающая индивиду осознание цельности собственной личности, называется “обобщенный другой”*. Отношение такого “обобщенного другого” отражает отношение более крупного сообщества. Хотя мы приобретаем представления об установленных правилах от конкретных людей (от матери, учителя или сверстника), эти понятия генерализируются или распространяются на всех людей в рамках схожих ситуаций. Следовательно, размышлять над своим поведением означает мысленно взаимодействовать с самим собой с позиции абстрактного человеческого сообщества. По мнению Мида, “обобщенный другой” – это средство связи каждого из нас с нашим обществом. С помощью обобщенного образа другого человека мы впитываем в себя, или интернализуем, организованную систему взглядов нашего общества в рамках наших собственных личностей так, что социальный контроль преобразуется в самоконтроль.

Процесс “управления впечатлениями”

Эрвин Гоффман (1922-1982) дополнил наши представления о самих себе. Кули и Мид исследовали вопрос о формировании представлений человека о самом себе в процессе социального взаимодействия и то, как человек учится планировать свои действия на основании тех данных о себе и своем поведении, которые он черпает у других людей. Гоффман делает акцент на другой проблеме. Он указывает, что только путем воздействия на представление других людей о самом себе человек может надеяться прогнозировать или контролировать ситуации, в которых он может оказаться. Мы заинтересованы в том, чтобы представить себя другим людям в выгодном свете, чтобы у них сложилось о нас по возможности самое выгодное впечатление. Этот процесс Гоффман назвал управлением впечатлениями (*impression management*). В ходе этого процесса мы скрываем какие-то черты, а какие-то намеренно выпячиваем. К примеру, водитель такси может попытаться скрыть от пассажира тот факт, что он по ошибке везет его в противоположную сторону, а молодой профессор может потратить несколько часов на подготовку и “репетирование” первой своей лекции в надежде сразу же предстать перед студентами в качестве знающего и эрудированного человека. Вы и сами хорошо представляете себе, что участвуете в процессе управления впечатлениями, когда решаете, что надеть в каком-то конкретном случае – на вечеринку, на прием к врачу, на собеседование с работодателем или на юбилей.

Гоффман рассматривает театральные постановки как аналитическую аналогию и средство отображения и понимания общественной жизни. Этот аспект он называет *драматургическим подходом*. Он описывает жизнь в обществе как сцену, на которой происходят общение и взаимодействие людей; все люди являются одновременно и актерами, и зрителями пьесы жизни; в этой пьесе они играют те самые роли, которые исполняют в своей повседневной жизни и деятельности.

Гоффман иллюстрирует свой подход, описывая, какие перемены происходят в поведении официантов в ресторане, когда они выходят в обеденный зал из подсобных помещений. Меняется аудитория, и соответственным образом изменяется поведение официантов. “Центральной сценой” является обеденный зал, где официанты демонстрируют услужливость и расторопность по отношению к посетителям ресторана. “Кулисы” – это кухонные помещения, где те же официанты открыто бравируют друг перед другом, всячески насмехаясь над той услужливостью, которую они демонстрируют “на сцене”. Кроме того, они скрывают всю неприглядную сторону приготовления пищи – отходы, чад

и вонь испорченных . продуктов, отделяя ее от заманчивой и благоухающей атмосферы обеденного зала. Таким образом, при переходе из одной ситуации в другую люди круто ; меняют “выражения” своего внутреннего образа. Они предпринимают усилия по предопределению ситуации для других людей, давая им подсказки для того, чтобы другие люди реагировали на них и действовали желательным для них образом.

Хотя социологи обычно причисляют Гоффмана к интеракционистам, его труды значительно расходятся с классическими формулировками символического интеракционизма. Представители этой теории рассматривают каждую ситуацию как нечто уникальное, заново построенное “кирпичик за кирпичиком” из специфических сочетаний поступков и значений, наблюдаемых в определенных обстоятельствах. Гоффман изображает социальную жизнь в форме “каркасов” – структур, имеющих невидимое, однако реальное существование в видимых социальных взаимодействиях повседневной жизни. Такие базовые “каркасы” понимания способствуют выработке незыблемых правил, которыми люди пользуются для организации собственного поведения. Следовательно, действия людей в большей степени зависят не от механического выполнения правил, а от активного, непрерывного процесса межличностного взаимодействия.

§ 3.3. СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Жизненный цикл в разных культурах

Процесс социализации непрерывен и продолжается в течение всей жизни человека. Окружающий нас мир меняется, требуя соответствующих изменений и от нас. Человеческая сущность не высекается навечно из гранита, она не может в детстве окончательно сформироваться так, чтобы больше уже не меняться. Жизнь – это адаптация, процесс непрерывного обновления и изменения. Трехлетние дети социализированы в рамках детского садика, студенты – в рамках избранной ими профессии, новые работники – в рамках своего учреждения или предприятия, муж и жена – в рамках созданной ими молодой семьи, новообращенные – в рамках своей религиозной секты, а пожилые люди – в рамках дома для престарелых. Так или иначе все общества имеют дело с жизненным циклом, начинающимся с зачатия, продолжающимся вплоть до стадии старения и завершающимся смертью. По богатейшей канве органического возраста общества ткут причудливые социальные узоры: в одной культуре девочка 14 лет может быть ученицей средней школы, а в другой – матерью двоих детей; 45-летний мужчина может находиться в расцвете деловой карьеры, еще только продвигаться вверх по политической лестнице или уже завершить карьеру, если он профессиональный футболист, а в каком-то ином обществе человек этого возраста обычно уже отходит в мир иной и почитается младшими родственниками как предок. Во всех культурах принято делить биологическое время на соответствующие социальные единицы. Если рождение, половое созревание, зрелость, старение и смерть являются общепризнанными биологическими фактами, то именно общество придает каждому из них вполне определенное социальное значение.

Некоторые народы включают в свой жизненный цикл будущих детей и покойников. Австралийские аборигены считают неродившихся детей духами своих умерших предков. Они верят, что души предков вселяются в утробу молодых женщин и получают возможность повторно появиться на свет в теле младенцев (Мердок, 1934). Подобным образом индусы считают, что в образе будущих детей в мир приходят души тех людей

или животных, которые уже жили на земле в своих прежних воплощениях, умершие тоже считаются продолжающими существовать членами сообщества.

Антрополог Ральф Линтон (1936) сообщал о том, что когда вождь Танала Мадагаскарский скончался, его сородичи объявили, что он просто утрачивает одни права и обязанности и приобретает другие:

“Клан Танала делится на две части: живущие и умершие, причем и те и другие представляются всем членам клана одинаково реально существующими. Несмотря на довольно робкие попытки живых объяснить мертвым, что они – мертвые, и отговорить их от попыток вернуться, они остаются неотъемлемой частью клана. Их полагается информировать обо всех самых важных событиях, приглашать на все церемонии и поминать за каждой трапезой. В ответ на все эти знаки уважения умершие позволяют живым спрашивать у них совета, проявляют активный и благожелательный интерес к делам сообщества и выполняют роль наставников по отношению к своим живым сородичам”.

Следовательно, каждое общество обеспечивает процесс развития индивидуума согласно собственным традициям, определяя те этапы развития, которые оно признает значимыми.

Устройство современных обществ формально предопределяет подготовку членов общества к выполнению новых ролей. Школы и высшие учебные заведения призваны передавать учащимся различные знания и навыки, больницы для душевнобольных – учить пациентов более приемлемым моделям приспособления к жизни, тюрьмы – “повторно социализировать” заключенных с помощью программ перевоспитания, а конференции и семинары – знакомить служащих фирмы с принципами ее функционирования.

Ролевая социализация обычно предполагает прохождение трех фаз. Первая фаза, когда люди думают о моделях поведения, связанных с новой для них ролью, экспериментируют с ними и примеряют их к себе. Эту фазу социологи называют антиципативной социализацией. Дети естественным образом знакомятся с такими взрослыми ролями, как супруги и родители, когда играют “в семью”. Школы и университеты, аспирантура, испытательный срок и реабилитационные программы являются более формальными институциональными структурами, призванными служить для подготовки членов общества к новым социальным ролям. Вторая фаза, когда после приобретения индивидами своего нового статуса они обнаруживают, что должны постоянно модифицировать, адаптировать и “переписывать” свои роли с целью приспособления к изменяющимся обстоятельствам. К примеру, когда молодая пара вступает в брак, новоиспеченным супругам предстоит выработать новые межличностные навыки, поскольку когда они были детьми, большая часть супружеских ролей была от них скрыта. Третья фаза – с течением жизни индивиды не только принимают на себя все новые и новые роли, они должны также освободиться от многих ролей. Такие ритуалы, как процедура выпускных экзаменов, церемония бракосочетания, банкет по поводу выхода на пенсию, похороны, являются социально отлаженными механизмами, призванными облегчить людям восприятие факта временности некоторых ролей.

Детство

В средние века той концепции детства, которая характерна для нашего времени, просто не существовало. На детей смотрели как на маленьких взрослых. Произведения искусства и письменные документы средневековья изображают взрослых и детей вместе в одной

социальной среде, носящих одинаковую одежду и занятых по преимуществу одними и теми же видами деятельности. Мир волшебных сказок, игрушек и книг, который мы считаем наиболее подходящим для детей, появился сравнительно недавно. Вплоть до XVII в. в западноевропейских языках слова, обозначающие молодых людей мужского пола – “boy” (в английском языке), “garçon” (во французском) и “Knabe” (в немецком) (все три слова переводятся как “мальчик”), служили для описания мужчины в возрасте около 30 лет, ведущего независимый образ жизни. Специальных слов для обозначения детей и подростков мужского пола в возрасте от 7 до 16 лет не существовало. Слово “ребенок” выражало скорее родственные отношения, чем возрастные отличия. Только в начале XVII в. началось формирование новой концепции детства.

Какие бы определения ни давали общества категории детства, социализация детей начинается на самой ранней стадии развития. Большинство детей – довольно “податливый материал” в том смысле, что они способны вырасти и развиваться во взрослых людей самых разных типов. Диапазон детских возможностей поистине удивителен. Например, к четвертому году жизни большинство российских детей полностью осваивает русский язык. К этому времени они уже также способны участвовать в сложных социальных взаимодействиях в соответствии с российскими культурными моделями. Дети демонстрируют общечеловеческие реакции на очень ранних стадиях своего развития. Еще не достигнув одного года, младенцы уже принимают участие в общественной жизни: указывают пальчиком на разные предметы – на витрину магазина, самолет, автомобиль, картинку, желая привлечь к этим предметам внимание взрослых. Таким образом дети демонстрируют не только понимание того, что другие люди могут видеть то, что видят они, но также уверенность, что взрослые обязательно посмотрят на то, к чему дети проявили интерес. К двум годам кукла у детей уже совершает какие-то действия, словно она живая и действует сама по себе, т.е. у детей появляется способность представлять других людей в качестве независимых агентов (или актеров). Большинство трехлеток уже способны возложить на одну куклу выполнение нескольких видов деятельности, связанных с ролью, что говорит о понимании ими социальной роли (ребенок представляет себе, что он врач, и осматривает куклу). Ребенок четырех лет в игре может уже исполнять двойную роль (кукла-пациент заболела, кукла-доктор осматривает больную, а ребенок ведет процесс общения между двумя куклами, говорит за обеих, задает вопросы и дает ответы на них). В позднем дошкольном возрасте дети приобретают способность комбинировать игровые роли более сложным образом (ребенок представляет, что он – врач и одновременно отец). Большинство шестилетних детей могут представить, что они одновременно выполняют несколько ролей.

В дошкольном возрасте дети рассматривают собственное Я и свой разум просто как части тела. Однако в 6-8 лет они уже начинают различать разум и тело и понимать, что люди уникальны не потому, что выглядят по-разному, а потому что у каждого человека свои чувства и мысли. Дети начинают интуитивно приходить к определению собственного Я и распознавать различия между психологическими и физическими свойствами. Число критериев, на основании которых дети создают представления о других людях, постоянно растет по мере взросления детей. Самое интенсивное развитие имеет место в период с 7 до 8 лет, затем темпы изменений в концептуализации замедляются. Фактически различия между детьми 7 и 8 лет чаще бывают более значительными, чем различия между 8-летними и 15-летними.

Подростковый возраст

В большинстве стран подростковый период не рассматривается как социально значимый в жизненном цикле индивида. Хотя все молодые люди претерпевают физиологические изменения, связанные с половым созреванием, детям часто приходится брать на себя обязанности взрослых уже в возрасте 13 лет или даже раньше. По мере превращения населения европейских стран из преимущественно сельского в городское изменялась и роль детей в обществе. Дети уже не выполняли в семье значимой экономической функции, потому что рабочее место сделалось отделенным от дома. С течением лет обязательное посещение школы, законы о детском труде и специальные юридические уложения, касавшиеся “подростков”, привели к тому, что понятие “подростковый возраст” укоренилось и стало реальной социальной категорией.

В подростковый период у индивидов происходят изменения в росте и развитии, которые можно считать поистине революционными. После многих лет пребывания в положении младших и зависимых от взрослых, они неожиданно сравниваются с взрослыми по физическому сложению, росту и силе. Эти изменения сопровождаются быстрым развитием органов деторождения, что свидетельствует о сексуальной зрелости. По мнению неофрейдистов, например Эрика Эриксона, основная задача подросткового периода состоит в формировании достаточно устойчивой личности. В повседневной жизни люди вступают во взаимодействие друг с другом обычно не на основании того, какие они на самом деле, а на основании собственных представлений о других людях и самих себе. Эриксон выдвигает предположение, что оптимальное чувство идентичности воспринимается как ощущение адекватности самому себе. “Этому ощущению с наибольшей очевидностью сопутствуют чувство свободы собственного тела, чувство “понимания того, что человеку нужно”, и внутренняя уверенность в получении ожидаемого признания от значимых в жизни индивида людей”, поэтому для подростков поиск собственной личности приобретает особую остроту. Подобно акробатам на трапеции, подросткам предстоит оторваться от страховавшей их лонжи детства и, балансируя в воздухе, добраться до следующей страхующей лонжи – взрослости – и покрепче ухватиться за нее. В этот период юным людям свойственно путать свои социальные роли, их представления о самих себе еще недостаточно четки. Несформировавшаяся личность влечет подростков к поиску более надежной опоры, вследствие чего они так подвержены влияниям извне и легко вступают во всяческие группировки, шайки, с головой бросаются в любовные приключения или общественные движения.

Взгляд Эриксона на подростков согласуется с давней психологической традицией, описывающей подростковый возраст как период “бурь и стрессов”. Ученые, занимающиеся общественными дисциплинами, выдвигают предположение, согласно которому в западных нациях переход от детства к подростковому возрасту протекает особенно трудно. При вступлении в подростковый возраст мальчики и девочки перестают считаться детьми, но они еще не становятся взрослыми мужчинами и женщинами. Определения подростков, даваемые им в обществах, представляются непоследовательными. В традиционных обществах переход к новому статусу осуществляется с помощью четко установленных ритуалов посвящения в мужчины или женщины – церемоний инициации, символизирующих переход детей во взрослое состояние. Во время таких ритуалов подростки могут подвергаться неприятным, болезненным и унижительным процедурам, но по их завершении дети провозглашаются взрослыми. Мальчиков часто запугивают, наносят на их лица и тела ритуальные рисунки и надрезы; девочек в период их первой менструации часто держат в изоляции от остальных членов сообщества. Однако задачи подобных ритуалов четко определены, и молодые люди знают, что если они успешно пройдут все положенные испытания, то станут по-настоящему взрослыми. Ритуалы вступления в возраст половой зрелости в

видоизмененной форме существуют и в странах западного мира: это церемонии “бар мицва” и “бат мицва” в Израиле, церемония конфирмации у католиков, церемония выпуска в школах и высших учебных заведениях.

Хотя средства массовой информации энергично муссируют тему разницы поколений – противоречий между подростками и их родителями, проблема “разрыва между поколениями” в целом представляется слишком упрощенно. Исследования позволяют предположить, что и семья, и сверстники имеют одинаково важное воздействие на жизнь большинства подростков. Группа сверстников оказывает большее влияние в вопросах формирования музыкальных вкусов и личных пристрастий подростка, в некоторых случаях это влияние может оказаться негативным, связанным с курением марихуаны и выпивкой. Члены семьи оказывают на подростка большее влияние, когда речь заходит о выборе профессии, будущих жизненных целях, о фундаментальных моделях поведения и основных жизненных ценностях. Во многих случаях значительная часть молодых людей не видит причин проводить резкую границу между системой ценностей своих родителей и своих друзей-сверстников. Частично это может быть объяснено тем, что подростки интуитивно выбирают себе друзей, разделяющих взгляды, согласующиеся с взглядами членов их семей.

Ранняя зрелость, или молодость

Последние тенденции в развитии западного мира – рост индустрии услуг, увеличение сроков обучения и чрезвычайно высокий образовательный ценз в постиндустриальном обществе – удлинители переход индивидов во взрослую жизнь. В некоторых отношениях современное общество, как представляется, вырабатывает новый статус между подростковым возрастом и состоянием взрослого человека: это юность – молодые девушки и юноши в возрасте выпускников школы. Покинув отчий дом, молодые люди в возрасте около 20 лет или чуть старше могут избрать для себя какой-то переходный социальный институт, к примеру службу в армии или учебу в университете, как начало самостоятельной жизни. Или могут устроиться на работу (при условии, что смогут ее найти), продолжая жить дома. В этом возрасте у молодых людей существуют приблизительно равные шансы остаться жить с семьей или уехать и начать самостоятельную жизнь. Со временем молодые люди становятся менее зависимыми в финансовом отношении, они вступают в новые социальные роли и принимают новые жизненные уклады, при этом они приобретают большую самостоятельность и ответственность. С течением времени центр тяжести в жизни молодых людей смещается в сторону от их отчего дома.

Задачи будущего развития, стоящие перед индивидами в возрасте от 18 до 30 лет, как правило, концентрируются вокруг двух главных целей, которые Зигмунд Фрейд определил, как *любовь и работа*. Через дружбу, сексуальные взаимоотношения и трудовой опыт молодые люди приходят к первым представлениям о самих себе как о взрослых индивидах. В идеале они вырабатывают способность находиться с другим человеком в отношениях, основанных на доверии, поддержке и нежности. Они могут сожительствовать со своими сексуальными партнерами или вступить в брак и обзавестись семьей. Они могут также заложить фундамент своей будущей карьеры или сделать карьеру в одной области, а затем отказаться от нее. Они могут также бесцельно плыть по жизни, что часто приводит к кризису в возрасте около 30 лет.

Прокладывая себе путь в жизни в юные годы, а также в среднем и более зрелом возрасте, индивиды испытывают сильное влияние возрастных норм – правил, предписывающих,

чего и в каком возрасте надлежит достичь человеку. Культурный циферблат диктует, в каком возрасте для мужчины или женщины лучше всего заканчивать школу, определяться в плане карьеры, жениться и выходить замуж, заводить детей, занимать высокое положение, становиться дедом или бабушкой и выходить в отставку. Индивиды стараются настроить свои личные “часы” по этому социальному времени, и большинство людей с готовностью отмечают, какие главные события произошли в их жизни “раньше” социального времени, в чем они “опоздали”, а где “справились вовремя”.

Однако в настройке социальных часов могут наблюдаться некоторые вариации. Так, чем выше социальный класс, к которому принадлежит индивид, тем более замедляется время наступления основных жизненно важных событий, связанных с возрастом, в частности у молодых людей среднего класса юность обычно продолжается дольше, чем у молодых людей из рабочей среды. Кроме того, жизненный цикл в современном обществе становится более гибким; ряд традиционных норм и ожиданий меняется, а возраст теряет многие из своих привычных значений. В результате мы можем стать свидетелями того, что социолог Бернис И. Нойгартен определила как “общество, не зависящее от возраста” (“age-irrelevant society”), в котором не существует единой возрастной нормы для принятия на себя какой-то конкретной роли. Она отмечает, что в настоящее время уже не являются редкостью 28-летний мэр, 30-летний управляющий банком, 35-летняя бабушка, 50-летний пенсионер, 65-летний молодой отец и 70-летний студент. Некоторые психологи, например Э. Эриксон, проводили исследования с целью выделить регулярные, последовательные периоды и переходы в рамках жизненного цикла человека. Они описывают жизнь как последовательность этапов, напоминающую лестницу, состоящую из ряда ступенчатых уровней. Эриксон делает основной упор на психологическом развитии, которое он делит на 8 основных этапов (см. табл. 3.2). Каждый этап ставит перед индивидом уникальную задачу, сконцентрированную вокруг некоего кризисного, или поворотного, момента в жизни индивида, характеризующегося повышенной уязвимостью и жизненным потенциалом индивида. По теории Эриксона, кризис, угрожающий человеку на каждом жизненном этапе, должен быть успешно разрешен для того, чтобы дальнейшее развитие индивида шло по “здоровому” пути. Следовательно, имеющее место взаимодействие между индивидом и обществом на каждом этапе может изменить ход развития личности в положительном или отрицательном направлении. Совершая переходы с одного этапа на другой, каждый индивид приобретает новые силы и формирует аутентичную личность.

Таблица 3.2. Этапы развития личности по Эриксону

Этап развития	Психологический кризис	Доминирующая социальная среда	Благоприятный результат
1	2	3	4
Младенчество	Основы доверия в противовес недоверию	Семья	У ребенка вырабатываются доверительные чувства к себе, своим родителям и к миру

Раннее детство	Самостоятельность в противовес стыду, сомнениям	Семья	Ребенок вырабатывает у себя чувство самоконтроля без ущерба самоуважению
Возраст 4-5 лет	Инициатива в противовес чувству вины	Семья	Ребенок учится задавать направление и цель своим действиям
Возраст с 6 лет до начала периода полового созревания	Трудолюбие, усердие в противовес ощущению подчиненности, зависимости	Соседи; школа	Ребенок приобретает чувство уверенности в своих знаниях и умениях
Подростковый период	Осознание собственной личности в противовес путанице с социальными ролями	Группа сверстников и внешние группы	Индивид развивает самоидентификацию – ясное ощущение собственного Я
Юность	Любовь в противовес одиночеству	Друзья и партнеры по сексу	Индивид вырабатывает способность стремиться к достижению конкретной карьеры и завязывать продолжительные близкие – дружеские и любовные отношения
Взрослый	Творческий потенциал в противовес застою	Новая семья, работа	Индивиды начинают волновать проблемы за пределами собственной семьи: другие люди, будущее поколения и общество в целом
Пожилой возраст	Целостность в противовес отчаянию	Выход на пенсию и близящаяся смерть	Индивид обретает чувство удовлетворения прожитой жизнью

Дэниэл Дж. Левинсон также придерживается мнения о поэтапном развитии взрослого индивида. Он и его коллеги из Йельского университета провели исследование 40 мужчин в возрасте приблизительно от 35 до 45 лет. Ученые выявили шесть периодов, начиная с

возраста 18 лет – 21 год и кончая возрастом под 50 лет. По мнению Левинсона, первостепенная задача, стоящая перед индивидом в течение всей его взрослой жизни, заключается в выстраивании собственной структуры жизни. Однако эта структура не создается раз и навсегда; она должна непрерывно подвергаться модификации и переоценке. Переходные периоды имеют тенденцию вырисовываться через два-три года после имеющих символическое значение круглых дат жизни – 20, 30, 40, 50 и 60 лет. В ходе взаимодействия со своим окружением каждый индивид намечает для себя цели, вырабатывает средства для их достижения и пересматривает базовые посылки.

Некоторые социологи придерживаются мнения о том, что неожиданные события, происходящие в жизни людей, оказывают гораздо большее воздействие на их развитие, чем прогнозируемые переходы от одного этапа к другому, например брак, рождение ребенка или выход на пенсию. Эти социологи утверждают, что теории поэтапного развития игнорируют колоссальные различия, характерные для жизненного опыта разных людей. Взрослая жизнь неодинакова для мужчин и женщин, богатых и бедных. Даже эпоха, в которую человек живет, имеет значение – Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 г., коллективизация, Вторая мировая война или перестройка. Более того, эти социологи утверждают, что возрастные нормы и “социальные часы” обеспечивают подготовку людей к основным переходным периодам в жизни. Следовательно, люди обычно рассматривают эти периоды как естественный ход жизни и не воспринимают их в качестве кризисных или стрессовых ситуаций.

Люди рассчитывают отпущенный им жизненный срок с точки зрения не только социального расписания, но и жизненных событий – поворотных моментов, в которые они меняют направление действий или жизненный курс. Некоторые подобные события связаны с “социальными часами”, но далеко не все; к примеру, серьезная травма, полученная в аварии; изнасилование; выигрыш в лотерею; обращение в новую веру; жизнь в период после афганской войны. Одни жизненные события связаны с факторами внутреннего роста или старения, например половое созревание или преклонный возраст; другие являются следствиями групповой жизни, включая войны, национальные экономические кризисы и революции; третьи обусловлены стихийными природными явлениями – пожарами, ураганами, наводнениями, землетрясениями или горными обвалами. А в некоторых событиях заключен глубокий внутренний или психологический элемент: религиозное откровение; развод с супругом или супругой; смерть родного человека.

Средний возраст, или зрелость

Зрелый возраст лишен той конкретности, которая присуща младенчеству, детству и подростковому периоду. Это всеобъемлющая и довольно размытая категория. Иногда категория “зрелости” используется для определения людей в возрасте за 30 лет, когда мужчины и женщины предположительно уже “определились” со своими семьями и профессиональными карьерами. Но этот термин также используется для обозначения индивидов “среднего возраста” – тех, кому примерно от 45 до 64 лет. Какое бы значение ни приписывалось термину “зрелый возраст”, основные цели остаются такими же, что и цели, стоящие перед мужчинами и женщинами в юности и молодости, и связаны с любовью и работой. (Здесь мы не будем обсуждать “фактор любви”, поскольку это – главная тема гл. 8 – роль любви и дружбы в жизни людей и варианты жизненных стилей.)

Основную часть взрослой жизни и мужчины и женщины проводят на работе. Хотя доминируют экономические соображения, работа также помогает организовать время,

является сферой общения человека с другими людьми, “лекарством от скуки”, поддерживает чувство необходимости и самоуважения. Если кто-то согласен платить за нашу работу, значит, мы нужны другим людям и вплетены в социальную ткань как ее необходимая часть. Для все большего числа как женщин, так и мужчин оплачиваемая работа начинает служить показателем их полноправного членства в обществе. В целом удовлетворение от работы принято связывать с возможностью свободного выбора и принятия решений.

В возрасте 30 лет и чуть старше мужчины, как правило, ищут свою “нишу” в жизни, “окапываются” в ней, “вьют гнездо”, а также строят долгосрочные планы и приступают к их осуществлению. В 35-40 лет мужчины пытаются освободиться от власти других и утвердить свою независимость. Им часто кажется, что их начальники чрезмерно контролируют их и давят на них, не давая действовать самостоятельно, что они лишены творческого воображения и агрессивны. Миновав 40-летний рубеж, мужчины начинают размышлять, чего они добились в жизни, и оценивать результаты в достижении целей, которые были намечены ими в более молодом возрасте. Они могут ощутить несоответствие между “тем, что я имею сейчас” и “тем, чего бы мне действительно хотелось”, что влечет за собой период душевных терзаний. В 45 лет или около того некоторые мужчины переживают так называемый кризис среднего возраста. Согласно существующим стереотипам, мужчины в этом возрасте склонны к необдуманным, легкомысленным поступкам, по принципу “седина в голову, бес в ребро” – они бросают жен ради молоденьких женщин, вполне годящихся им в дочери, оставляют работу и живут на случайные заработки или превращаются в горьких пьяниц. Тем не менее большинству индивидов удается справиться с этим кризисом, они постепенно приводят свои желания в соответствие со своими достижениями без серьезных моральных переживаний и метаний.

Хотя интерес к развитию зрелых индивидов повышается, исследования, касающиеся фаз в развитии взрослых женщин, не так полны, как исследования развития мужчин. Но имеющиеся данные позволяют предполагать, что женщины проходят точно те же этапы развития, что и мужчины (в исследовании Левинсона), и примерно в том же возрасте. Но хотя возрастное распределение периодов и характер задач развития одинаковы, подходы к решению задач и достигаемые результаты у женщин иные. В значительной степени эти различия проистекают из повышенной сложности женских представлений о собственном будущем и тех трудностей, которые женщины испытывают в случаях, когда от этих представлений приходится отказываться. В отличие от мужчин большинство женщин в своих мечтах о будущем не ставит во главу угла карьеру; женщинам более свойственно рассматривать работу и карьеру как средство защиты (страховки) на тот случай, если им не удастся выйти замуж, если их брак окажется неудачным или если им придется жить в период экономической нестабильности общества. В своих мечтах о будущем большинство женщин видит себя в центре бурлящей жизни, в окружении любимых и любящих людей, особенно мужей, детей и коллег. Для мужчин первоочередное место в жизни имеют независимость и дух конкуренции, а женщины рассматривают свою жизнь как средство “внедрения” в сложную сеть человеческих взаимосвязей и отношений.

Пожилый возраст, или старость

Подобно другим периодам жизненного цикла, начало пожилого возраста в разных обществах определяется по-разному. В доиндустриальных обществах продолжительность жизни, как правило, невелика, и пожилой возраст начинается раньше. К примеру, один очевидец сообщал, что люди племени аравак из Гайаны (Южная Америка) редко живут больше 50 лет и у мужчин от 30 до 40 лет и женщин даже более молодого возраста “все

тело, за исключением живота, начинает съезживаться, жировые отложения исчезают и кожа свисает уродливыми складками”. Литературные памятники также указывают на то, что в эпоху европейского Возрождения старыми считались мужчины в возрасте за 40 лет. В настоящее время во многих западных странах возникает новое деление на “молодых пожилых” и “старых пожилых”. “Молодые пожилые” – это люди, вышедшие на пенсию раньше принятого возраста, они бодры, полны энергии, получают удовольствие от освободившегося времени, имея возможность заниматься общественной деятельностью и самореализоваться в новой сфере. К категории “старых пожилых” относятся люди преклонного возраста, в том числе страдающие различными недомоганиями и болезнями.

Общества различаются по тому, насколько уважительно они относятся к старости. Во многих аграрных обществах, включая императорский Китай, пожилые люди пользовались особым почетом и уважением. У жителей Северной Бирмы долгая жизнь почиталась за привилегию, дарованную тем, кто вел праведную жизнь в предыдущей инкарнации. Люди выказывали уважение к пожилым тем, что старались не наступать на их тень. Молодые женщины искусственно “старили” свою внешность, поскольку почет и привилегии были связаны с возрастом. По контрасту с этими культурными нормами в западных странах и в современной России самым привилегированным возрастом считается молодость. Мы ограничили число социальных ролей, доступных для пожилых, и выказываем им мало почтения. Действительно, чем старше становятся люди, особенно если они достигают преклонных лет, тем больше распространяются на них неблагоприятные стереотипы, укоренившиеся в российском обществе. Стариков считают существами надоедливymi, капризными, обидчивыми и болезненными.

Пожилым возраст влечет за собой расставание с некоторыми социальными ролями. Прежде всего и самое главное – пожилых ждет выход на пенсию. По традиции считалось, что выход на пенсию имеет негативные последствия для пожилых людей, поскольку статус работающего человека означает статус хозяина своей судьбы – основную точку опоры для взрослой личности. Жизнь человека на пенсии рассматривается как практически бесцельная, поскольку основная и первоочередная задача пенсионера – решить, чем заполнить длинный и бессмысленный день. В России не существует успешной социализации людей пожилого возраста. Социальных норм, которые бы определяли жизненные цели пожилых, очень мало, и они очень размыты. Дело усложняется еще тем, что у пожилых слишком мало мотивов для того, чтобы примириться со своей “бесмысленной ролью” – социальным статусом, лишенным всякой значимости в обществе. Даже если бы четкие нормы, определяющие поведение человека пожилого возраста, и существовали, слишком мало людей пожелало бы следовать подобным нормам, исключаяющим их из числа претендентов на участие в общественной жизни и получение вознаграждений.

В последние годы негативный взгляд на жизнь пенсионеров подвергается критическому пересмотру. Похоже на то, что меняется само отношение к работе и выходу на пенсию. Кроме того, исследования показывают, что на пенсии человек более всего страдает от нехватки денег, а в том случае, когда люди имеют гарантированный и достаточный для удовлетворения их нужд доход, они не против выйти на пенсию пораньше. В общем, когда люди здоровы и имеют достаточный доход, пенсия не кажется им чем-то ужасным. Многие пожилые также сталкиваются с потерей еще одной роли – статуса замужнего или женатого человека. Социологические исследования показывают, что чем выше уровень образования и социально-экономический класс женщины, тем более дезорганизуются ее личность и жизнь после смерти мужа. Однако после того, как минует срок траура, у этих женщин появляется больше возможностей организовать свою жизнь по-новому. В целом

негативные долгосрочные последствия вдовства вытекают скорее из социально-экономических лишений, чем из факта вдовства самого по себе.

Смерть

Осознание надвигающейся смерти требует от индивида приспособления к новому определению собственной сущности. Понятие “умирающий” предполагает нечто большее, чем просто протекание каких-то биохимических процессов. Оно влечет за собой принятие социального статуса, при котором социальные структуры не просто сопровождают, но и формируют опыт соприкосновения со смертью. Стоит сравнить, к примеру, разницу в социальных значениях, приписываемых 20-летнему индивиду, которому, по определению врачей, осталось жить 5 лет, и сохранившему хорошее состояние здоровья 80-летнему индивиду. Подобным образом больничные персонал вкладывает различное рвение в уход за пациентами исходя из их подразумеваемой неодинаковой социальной ценности. Исследования в одной больнице показали, что разные социальные критерии побуждали врачей и сестер страстно бороться за жизнь маленького ребенка и внутренне принять как должное смерть пожилой женщины. И наконец, хотя смерть есть биологическое явление, оно приобретает социальную реальность через посредство таких традиционных ритуалов, как прощание с покойным и похороны.

Изменения в медицинской технологии и социальных условиях привели к тому, что теперь смерть связана с несколько иным опытом, чем раньше. Смерть в современном обществе часто оказывается более длительным процессом, связанным с формальными бюрократическими процедурами. Всего несколько поколений назад большинство людей умирало дома, и семья брала ответственность за ритуал прощания с покойным и подготовку к похоронам на себя. В последнее время смерть стала окружаться запретами, которые по большей части призваны скрывать умирающих от “посторонних” глаз. В наши дни за смертельно больными людьми ухаживает персонал дома для престарелых или больницы. В морге готовят тело к похоронам и организуют церемонию похорон или кремации останков. В результате жителю развитых стран почти не приходится сталкиваться со смертью. Умирающие и мертвые изолированы от живых и отданы в руки специалистов, для которых контакт со смертью превратился в повседневное и безличное занятие.

Институциональный контроль за умирающими ограничил индивидуальную автономию. Личные потребности и желания зачастую подменяются организационными. На деле подход современных организаций к уходу за смертельно больными людьми оставляет желать лучшего. Опросы общественного мнения показывают, что люди предпочитают быстрый переход от жизни к смерти. Однако убеждение в том, что “чем быстрее человек отлучается, тем лучше для него”, противоречит изменившейся биомедицинской технологии, обеспечивающей пациентам “самый длинный путь” к смерти. Многие люди очень боятся оказаться в состоянии между жизнью и смертью и влечут так называемое растительное существование исключительно за счет систем жизнеобеспечения.

За последнее десятилетие движению за создание хосписов удалось пробудить сочувствие в общественном сознании и убедить общество в необходимости более гуманного подхода к уходу за неизлечимо больными. *Хоспис – это медицинское учреждение, в котором реализуется программа по уходу за умирающими, стремящееся облегчить неизлечимо больным людям последние дни их жизни и сделать соприкосновение с приближающейся смертью менее эмоционально травмирующим как для пациентов, так и для их близких.* Странники хосписов говорят, что врачам и сестрам в обстановке больницы трудно

принять неизбежность смерти. Больницы предназначены для лечения болезней и продления людям жизни, следовательно, неизлечимые заболевания и смерть должны быть для больниц чужеродными явлениями. По этой причине сторонники хосписов настаивают на том, что для контактов со смертью требуются иные институциональные структуры.

За последние годы Элизабет Кюблер-Росс внесла весомый вклад в движение за возвращение достойного и гуманного отношения к смерти. По ее утверждению, когда медицинский персонал и родные знают о том, что пациент умирает, и пытаются скрыть от него правду, они возводят барьер, препятствующий всем сторонам должным образом подготовиться к смерти. Более того, умирающий человек обычно живет надеждой и верит тому, в чем его убеждают врачи и семья. Кюблер-Росс считает, что возможность искреннего выражения чувств и должное уважение к этим чувствам принесут всем только пользу. Опросы показывают, что четверо из пяти человек предпочли бы узнать правду в случае неизлечимой болезни. Хотя люди встречают смерть по-разному – как и живут по-разному, – Кюблер-Росс полагает, что процесс примирения с неминуемой смертью обычно имеет пять стадий: отрицание человеком того факта, что он умирает; гнев, вызванный тем, что его жизнь скоро подойдет к концу; попытка выпросить у Бога или судьбы временную отсрочку от смерти; депрессия, или “предваряющая скорбь”; примирение с фактом смерти. Не каждый человек проходит через все эти стадии, некоторые индивиды по многу раз возвращаются к одним и тем же чувствам. На умирающего человека оказывают влияние и многие другие факторы, включая пол, этническую принадлежность, личность человека, сопутствующие смерти обстоятельства, характер самого заболевания. Смерть можно до конца понять только в контексте предыдущей жизни человека и текущих обстоятельств. В целом за последнее десятилетие общественное и профессиональное осознание важности переживаний умирающего человека резко возросло и дало толчок более гуманному отношению к смерти.

§ 3.4. РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ

Что общего имеют женщина, только что ставшая монахиней, и мужчина, который только что развелся? Ответ в том, что и он, и она проходят процесс *ресоциализации* – усвоения новых норм, ценностей, мировоззрения и моделей поведения. В наиболее общей форме ресоциализация происходит каждый раз, когда мы узнаем что-то, не совпадающее с нашим прежним опытом. Новый начальник, который требует работать по-иному, ресоциализирует нас. Такая ресоциализация является мягкой и незначительной модификацией уже знакомых нам процедур. Однако ресоциализация может быть интенсивной; например, на людей, вступающих в Общество анонимных алкоголиков, обрушивается поток информации, которая свидетельствует о деструктивных последствиях пьянства. Поступая в университет после окончания школы, некоторые молодые люди сталкиваются с интенсивным процессом ресоциализации, особенно в первые обескураживающие дни адаптации к новой среде. Этот процесс еще более интенсивен при психотерапии или вступлении в религиозную группу, поскольку в этих случаях люди подвергаются воздействию идей, противоречащих их прежнему мировоззрению. Если эти идеи прививаются, коренным образом меняется не только поведение индивида, но и его восприятие жизни.

